

„ОТЛИЧНО ПЛЮСЪ ОТЛИЧНО“.

I.

Ухо и спокойно въ глуши уѣзднаго городка полкъ нашъ отпраздновалъ почтенный срокъ своей жизни. Много пережилъ онъ за время своего служенія Царямъ и Родинѣ, много походовъ отломалъ и не было, кажется, ни одного боевого поля, гдѣ бы, въ рядахъ родной арміи, не дрался онъ доблестно и самоотверженно. Много лѣтъ надъ полкомъ рѣяли его старыя Георгіевскія знамена, и ни одно облачко не туманило лица и совѣсти полка. Напротивъ, полкъ гордо шелъ своею стезею, хранилъ свои традиціи, отлично работалъ въ военное и мирное время и считался однимъ изъ лучшихъ полковъ арміи. И вдругъ... въ одинъ ненастный осенній вечеръ—все оказалось сквернымъ, неправильнымъ, ненужнымъ; полкъ долженъ былъ стать сразу, какъ бы по мановенію волшебной палочки, чѣмъ-то инымъ, чѣмъ-то такимъ, что, кажется, и себѣ неясно представлялъ только что назначенный командиръ, молодой, генеральнаго штаба полковникъ В. Уже двѣ недѣли какъ онъ жилъ въ гостинницѣ, кое съ чѣмъ знакомился, но изъ этическихъ соображеній въ полкъ не ходилъ, такъ какъ старый командиръ еще не могъ уѣхать. Наконецъ, насталъ день официальнаго приѣма. Послѣ обычнаго утренняго представ-

ленія, въ 7 часовъ вечера мы, офицеры, въ полномъ составѣ оживленно бесѣдовали въ залѣ собранія въ ожиданіи прихода новаго командира. У всѣхъ на устахъ была одна фраза: «что-то будетъ», такъ какъ В. офицеръ «поговорить» съ нами, а это значило, что мы услышимъ его программную, такъ сказать, рѣчь.

Съ боемъ часовъ вѣстовой изъ передней доложилъ: «ѣдутъ». Говоръ примолкъ, откашлялись, кое-кто подправилъ усы, бѣгло провѣлъ по борту пуговицъ, прошелъ шопотъ: «аккуратень!» и черезъ $1/2$ минуты раздалась команда старшаго штабъ-офицера — «гг. офицеры!» Все затихло, все замерло.

— Кажется не опоздалъ? съ нѣкоторой рисовкой и безусловно зная, что онъ пришелъ во-время и что это подмѣчено «публикой», сказалъ командиръ, проходя по рядамъ стоящихъ офицеровъ и, слегка наклонивъ голову, подавая руку съ той нѣсколько аффектированной, но элегантной особенной манерой, которая обличала въ немъ офицера генеральнаго штаба.

— Кажется, начальникъ учебной команды? обратился онъ къ высокому, стройному, красивому капитану съ большой черной бородой.

Полковникъ запомнилъ, очевидно, это лицо, но зналъ, что вопросъ его также произведетъ впечатлѣніе на офицеровъ, которые, дѣйствительно, переглядываясь, какъ бы хотѣли сказать другъ другу: «какая память на лица!»

— Не правда ли, командиръ нестроевой роты? продолжалъ, обходя офицеровъ, В.

— Такъ точно, господинъ полковникъ, нѣсколько удивленно отвѣчалъ, покраснѣвъ, молодой штабъ-капитанъ.

Дальнѣйшіе опыты названія должностей и даже фамилій были не столь удачны, но полковникъ и это обстоятельство утилизировалъ въ свою пользу; весело улыбаясь своимъ ошибкамъ, онъ продолжалъ обходить офицеровъ и, не обращая ни къ кому въ отдельности, сказалъ:

— Ну, кажется нора прекратить эти эксперименты...

Среди офицеровъ прошелъ сдержанный, робкій смѣшокъ, но впечатлѣніе все же было сдѣлано.

Полковникъ окончилъ здороваться, оглянулъ все общество и, полуобратившись къ старшему штабъ-офицеру, спросилъ:

— Ну, гдѣ же мы сядемъ, ваше высокоблагородіе?

Офицеры, улыбаясь и почтительно смотря на командира, ждали.

— Наверху, г. полковникъ, доложилъ старшій штабъ-офицеръ.

— А, ну наверху, такъ наверху! Поближе къ Богу? весело

усмѣхнулся командиръ, поднимаясь во 2-й этажъ: это тоже всѣмъ понравилось, и В. это тоже замѣтилъ.

— Симпатичный господинъ, послышалось кое-гдѣ. Словомъ, командиръ былъ психологъ, можетъ быть не такой ужъ великій, какъ Наполеонъ, котораго очень любилъ цитировать, но все же не чуждъ былъ умѣнья улавливать настроенія и играть на нихъ. Шумъ разсаживающихся 80-ти офицеровъ, отодвигаемыхъ стульевъ и легкій полусшепотъ нѣсколько задержали В., запявшаго мѣсто у столика противъ насъ: когда, наконецъ, водворилась полная тишина, онъ началъ такъ:

— Вижу, господа, по первому уже шагу вашему, что мнѣ много придется работать въ этомъ полку для установленія тѣхъ добрыхъ нравовъ, которые можно было бы укоренить въ части, прожившей столько лѣтъ, и которыхъ, я вижу, нѣтъ среди офицеровъ полка: я жду почти уже 2 минуты, а вы все никакъ не можете успокоиться. Марка, господа, неприличная для полка; нужно имѣть громадный запасъ терпѣнія и ангельское самообладаніе, чтобы не уйти отсюда и не оставить васъ наединѣ съ самими собой и дать вамъ время подумать, что задерживать начальника, желающаго говорить—неприлично и явно показываетъ мнѣ, свѣжему человѣку, что общество офицеровъ полка мало ди-сци-пли-нировано, раздѣльно произнесъ командиръ послѣднее слово для большей его выразительности.

Лица офицеровъ вытянулись отъ неожиданности вступленія.

— Я понимаю, господа, продолжалъ командиръ, что васъ много, что размѣщеніе столь большого общества вызываетъ, конечно, нѣкоторую суету, но шепотъ, который мнѣ слышится, и этотъ чрезмерный шумъ—производятъ на меня впечатлѣніе чего-то совершенно необычнаго въ присутствіи начальника и, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуютъ о неумѣннн себя держать спокойно и прилично съ соблюденіемъ извѣстнаго ко мнѣ уваженія. Это такъ, господа, для... предисловія. Кстати, я долженъ васъ предупредить, что и впредь вамъ можетъ быть, и даже навѣрное, придется услышать отъ меня не мало «кислыхъ» словъ; но вѣрьте мнѣ, что не я, а вы каждый разъ будете сами тому причиной. Я, господа, буду съ вами откровененъ—я вообще не люблю скрывать чего-либо—скажу, что полкъ для меня не новъ: командующій войсками, командиръ корпуса и другія лица уже много наговорили мнѣ о полку разныхъ разностей и такимъ образомъ я до нѣкоторой степени фхалъ въ полкъ съ нѣсколько предвзятымъ о немъ мнѣніемъ и мнѣніемъ, правду скажу, сложившимся не въ вашу пользу. Говорили мнѣ, на-примѣръ, что у васъ тутъ были какія-то недоразумѣнія съ коман-

диромъ бригады; говорили даже, что въ службѣ офицерскаго состава принимаютъ участіе полковныя дамы, что офицерскій составъ, въ общемъ прекрасный, направленъ по ложному пути: словомъ, много говорили. а я только слушалъ, молчалъ и думалъ: «Ну, хорошо, ты мнѣ это говоришь, а гдѣ же причина этимъ и инымъ явленіямъ въ жизни полка. явленіямъ, конечно, ненормальнымъ? И что же вы сами сдѣлали, чтобы измѣнить ходъ обстоятельствъ, дурно сложившихся въ жизни полка?» Съ тяжелымъ, господа, чувствомъ ѣхалъ я въ полкъ. да и не могло же меня радовать все то, что мнѣ пришлось услышать, какъ не радуешь вѣроятно и васъ все, что слышите вы отъ меня. Да, кстати, прервалъ В. потокъ краснорѣчія: кто командиръ 7-й роты? Вы? Ну, вотъ, господа, будьте сами себѣ судьями—хотя никто собственно не можетъ быть себѣ судьей—я, новый человекъ, командиръ полка, ноѣхалъ въ 11 часовъ съ визитами; приѣзжаю обратно въ номеръ, такъ, часовъ около 3-хъ, и застаю: сидитъ на стулѣ вѣстовой, вытянулъ ноги и спитъ! Ефрейторъ Кривченко—вашъ?

— Такъ точно, отвѣтилъ командиръ 7-й роты, старый, лысый канитанъ, доживающій послѣдніе мѣсяцы по предѣльному возрасту.

— Господа!! (командиръ развелъ руками, какъ бы взывая о помощи и произнесъ эти слова такимъ голосомъ, какъ будто рѣчь шла о спасеніи отечества). Если ефрейторъ, этотъ лучшій изъ рядовыхъ, позволяетъ себѣ въ 3 часа дня спать въ номерѣ у командира полка, то воображаю, что же дѣлаютъ у васъ денщики, вѣстовые, писаря и прочіе!

Командиръ съ мольбой сложилъ передъ собою пальцы рукъ такъ, что они доходили только до середины суставовъ и въ такомъ видѣ приподнял ихъ на высоту гладко выбритаго подбородка. По залѣ прошелъ вздохъ и чувствовалось въ немъ: «слава Богу, что не мой!»

— Вѣдь, господа, конечно, этотъ ефрейторъ вѣроятно не единственный случай: возможно даже, что кто-нибудь изъ васъ подумаетъ: слава Богу не мой (по залѣ прошло движеніе). Да, это—не «мой», не твой, не вашъ, но это—солдатъ нашего полка! Курите пожалуйста...

Командиръ вынулъ нортсигаръ, набитый папиросами такъ, что крышка его не закрывалась, и закуривъ продолжалъ.

— Стрѣляете, господа, плохо (лица ротныхъ командировъ вытянулись еще болѣе). Какъ въ прошломъ году у васъ? обратился командиръ къ офицерамъ.

— Хорошо +12! Плюсъ 10! Нѣтъ, плюсъ 12! слышались крики со ступень.

— Господа! Можно не интересоваться дѣломъ, можно не быть

мастеромъ своего ремесла, но настолько, чтобы не знать, какъ мой полкъ стрѣляетъ и что онъ далъ: + 10 или + 12, это, господа, уже отдаетъ чѣмъ-то о-о-чень отдаленнымъ, отжившимъ, старинкой! Я былъ въ М-мъ полку 6 лѣтъ и зналъ, не только какъ и какую стрѣльбу стрѣляетъ каждая рота, но зналъ отдѣльныхъ стрѣлковъ по фамиліямъ, зналъ число ихъ пуль и призовъ! Бывало, придешь на стрѣльбище, вижу, Крамарчукъ практикуется по головкѣ, Рындинъ пробуетъ по 8-му номеру и т. п...

Командиръ вспомнилъ, кажется, что немножко увлекся въ сторону отъ поставленной «о добрыхъ нравахъ» темы и, охвативъ все сказанное довольно округленной фразой обобщенія выводовъ, сказалъ:

— О стрѣльбѣ, господа, мы поговоримъ въ одно изъ ближайшихъ нашихъ собраній, а теперь я только нѣсколько остановлю ваше вниманіе на той сторонѣ нашего быта, нашей жизни, которая даетъ, такъ сказать, лицо полка, его марку, вывѣску. Въдѣ то, что говорили мнѣ о полку разныя лица, еще можетъ быть и не такъ ужъ страшно; надо, конечно, видѣть самому, чтобы высказать опредѣленное мнѣніе; возможно, что здѣсь много есть, такъ сказать, наноснаго. Однако, уже и то небольшое, что пришлось мнѣ видѣть и наблюдать, показало, что и командующій войсками и корпусный командиръ были не совсѣмъ ужъ такъ неправы и что добрыхъ нравовъ, доброй повадки, добрыхъ традицій въ полку—нѣтъ или, если они и есть, то въ слишкомъ слабой степени или ложно понимаются. Въдѣ нельзя же, господа, считать доброй традиціей полка то, что офицеры не знаютъ, наиримѣръ, какъ полкъ стрѣляетъ?

Не можете же вы утверждать, что въ полку, гдѣ нижніе чины спятъ въ нарядѣ, въ квартирѣ командира полка, что въ этомъ полку существуютъ добрые нравы? Я вообще сомнѣваюсь, чтобы у васъ существовали какіе-либо нравы; такъ—безразличіе какое-то, спячка, «во блаженномъ успеніи вѣчный покой». Ибо какъ же иначе можно объяснить, что мы не знаемъ даже, какъ стрѣляетъ нашъ полкъ? Послѣ этого я могу не знать, въ какомъ состояніи находятся и мои ротныя суммы, а тамъ и дальние: что солдаты ѣдятъ, чѣмъ интересуются, какъ стоитъ ихъ тактическая подготовка и т. д. Это, господа, начало развала, начало конца! Надо встряхнуться, господа, надо сбросить съ себя этотъ сонъ, этотъ глубоко видимо укоренившійся индифферентизмъ: я отбылъ свои часы, я отстрѣлялъ свое упражненіе, я отдежурилъ, а тамъ—хоть потопъ!

Командиръ сильно затянулся папиросой и, дѣлая паузу, давалъ время прочувствовать все, что сказалъ.

— А потомъ, господа, продолжалъ онъ; ужъ совсѣмъ нетерпимая повадка, это—участіе дамъ въ служебной жизни офицера; знаю, что и такіе случаи имѣли мѣсто въ N-мъ полку. Отсюда, господа, дразги, хожденія съ задняго крыльца, пробы вліять на командира путемъ воздѣйствія на его жену, а дальше—жалобы, анонимы... Предупреждаю васъ, что, помимо самаго суроваго осужденія съ моей стороны, офицеръ, прибѣгшій къ какимъ-либо исканіямъ дамскими путями, разъ навсегда уронить себя въ моихъ глазахъ и несомнѣнно понесетъ еще и кару по закону; да и предваряю, что попытки такого вліянія на меня, на мою дѣятельность, занятіе по меньшей мѣрѣ безнадежное. Я вообще не понимаю, какъ можно, безъ чувства брезгливости, о чемъ либо хлопотать черезъ свою жену, сестру..., чего-либо просить, ходатайствовать. Ты покажи, что ты самъ еси такое, дай мнѣ самъ всѣ свои козыри, на которыхъ я могъ бы разыграть игру въ твою пользу, а вѣдь иныя исканія показываютъ только твою собственную несостоятельность, полную, такъ сказать, непригодность бороться съ неудачно сложившимися обстоятельствами; а въ офицерѣ—это, господа, грустно видѣть. Встряхнитесь, и вы увидите, что у васъ непочатый уголь для борьбы собственными силами, для работы своей души и тѣла; сбросьте съ себя сонъ и вы сразу почувствуете въ себѣ новый притокъ всяческихъ силъ познаете на что вы еще сами способны! А то вѣдь мы, господа, обыкновенно привыкли закрывать на себя глаза, а когда придется—на сцену выплываютъ дамы, появляются анонимы, всплываетъ, такъ сказать, все «дно»! Правда, я слышалъ много хорошаго объ обществѣ нашихъ полковыхъ дамъ; увѣренъ, конечно, что всѣ онѣ заслуживаютъ глубокаго уваженія; слышалъ, что, когда вы праздновали полковой юбилей, ваши жены принимали въ немъ горячее участіе, какъ бы сливаясь въ одну дружную тѣсную семью: это, конечно, почтенная черта полковой жизни, но что было, то было; сами знаете краткую исторію о ложкѣ дегтя, которая испортила бочку меду... Чей, господа, посыльный сегодня въ собраніи? Вашъ? Не стриженъ.

Командиръ съ расчитанной рисовкой перешелъ на посыльнаго и тѣмъ самымъ заставилъ «встряхнуться» всѣхъ сосредоточившихся на мысли о дамахъ.

— Да, не стриженъ. И характерно, господа, что 80 офицеровъ прошли мимо и въ числѣ ихъ всѣ прямые начальники этого нижняго чина—и никто не обратилъ вниманія! Все это мелочи, господа, но: офицеры не знаютъ, какъ стрѣляетъ полкъ, офицеры не умѣютъ

прилично приступить къ выслушанію своего командира полка, а отсюда—безразличное отношеніе ко всему окружающему, отсюда спящій вѣстовой, нестриженный посыльный и т. д. А все от нашей, лучше сказать, от вашей спячки, «отъ ней всѣ качества», какъ говоритъ Толстой. И вѣрьте, господа, что, гдѣ офицерскій составъ работаетъ, не покладая рукъ, гдѣ офицеръ является недремлющимъ окомъ, гдѣ офицеръ бодръ, тамъ нѣтъ мѣста такимъ уродливымъ явленіямъ! Нашъ солдатъ, въ общемъ, прекрасный матеріалъ, чело- вѣкъ съ воспримчивой и любящей душой; покажите ему что вы есть—вѣдь онъ беретъ съ васъ примѣръ и дурной и хорошей—дайте ему образецъ выдержки, бодрости, и онъ высоко подниметъ свою сонную голову. Если вы подкрѣпите личный примѣръ надлежащей выучкой, вѣрьте мнѣ, вы не узнаете своихъ спящихъ вѣстовыхъ и нестриженныхъ посыльныхъ. Все отъ васъ, господа; вы—столпы полка, вы проводники всѣхъ добрыхъ началъ, которые должны жить и развиваться въ порядочной части. Вы будете спать и солдаты будутъ спать; вы будете безразличны къ окружающимъ васъ явленіямъ и солдатъ вашъ, глядя на васъ, начинаетъ смотрѣть на все сонными глазами. Простите, отъ васъ, господа, все; «рыба—съ головы во- няетъ» (командиръ былъ большой поклонникъ генерала Драгоми- ова во многихъ отношеніяхъ).

Ахъ, какъ много еще хотѣлось бы сказать вамъ, господа, да время, къ сожалѣнію, не дозволяетъ. А я люблю, какъ вы видите, поговорить, да и есть о чемъ. Который часъ?

Нѣсколько часовъ потянулись къ командиру съ переднихъ штабъ-офицерскихъ мѣстъ; самъ В. вынулъ простые, но хорошіе никкели- рованные, часы Буре на короткой цѣпочкѣ.

— Кажется, мои что-то торопятся; у меня уже 10⁰ сказалъ онъ, глядя на циферблатъ.

Было еще 9^{1/2}, часы штабъ-офицеровъ значительно не сходи- лись съ командирскими, но меньше, какъ «безъ пяти минутъ», ска- зать никто не рѣшился; одинъ лишь завѣдывающій хозяйствомъ, чело- вѣкъ серьезный и державшійся всегда съ большимъ достоин- ствомъ, доложилъ:

— Половина десятого, господинъ полковникъ, но у меня есть еще бумаги и адъютантъ ждетъ васъ съ докладомъ.

Командиръ остановилъ на немъ свои большіе круглые стекло- видные глаза и, какъ бы удивляясь смѣлости доклада, сказалъ:

— Ну, что жъ! Такъ на сегодня довольно, а завтра, господа, мы соберемся не въ 7, а въ 6 часовъ вечера, здѣсь же.

Въ заднихъ рядахъ послышалось движеніе стульевъ; передніе еще сидѣли, потому что командиръ сидѣлъ. Наконецъ, онъ всталъ и всѣ 80 человекъ тоже встали.

— Завтра, господа, сказалъ громко В. (все сразу притихло), я побываю кое-гдѣ въ ротахъ, посмотрю ваши занятія, познакомлюсь... Пожалуйста, господа, нигдѣ меня не ждите; я не люблю назначать ротъ, въ которыхъ буду, а такъ, что застану, то и посмотрю, какъ оно есть. Ну, давайте, что у васъ, обратился онъ къ адъютанту. — Штабъ-офицеровъ я попрошу остаться... Честь имѣю кланяться, господа, поклонился командиръ тѣмъ же изящнымъ поклономъ и, закуривая, придвинулъ къ себѣ объемистую черную папку съ надписью золотыми буквами: «Строевая, къ докладу».

Офицеры двинулись къ выходу. Столпились въ передней, всѣ хотѣли поговорить и подѣлиться своими впечатлѣніями съ товарищами; слышались отдѣльныя заключенія, полунамекы, короткія иногда ироническія замѣчанія, вздохи.

Два ротныхъ командира, взявъ съ собою въ сосѣднюю комнату своихъ вѣстовыхъ, принесшихъ приказы, строчили на подоконникѣ своимъ фельдфебелямъ короткое, но энергичное посланіе, въ которомъ слова: «постричь», «песочекъ», «уборка» чередовались съ напоминаніемъ о «пищѣ», «дробинкахъ» и т. п.; въ концѣ дѣлалось внушеніе: «въ случаѣ спросить, говорить, что у насъ всегда такъ». Было уже 10 часовъ, когда собраніе опустѣло, и только наверху происходило таинственное совѣщаніе новаго командира со штабъ-офицерами, да изъ столовой доносился звонъ посуды ужинающихъ офицеровъ сосѣдняго полка.

II.

Въ 8 часовъ утра командиръ входилъ въ 5-ю роту. Поздоровавшись съ дежурнымъ, которому онъ довольно энергично поднялъ голову, В. подаль руку ротному командиру и громко, безъ натяжки, поздоровался съ людьми. Сотня молодыхъ голосовъ дружно отвѣтила на привѣтствіе новаго командира, а онъ, стоя смиренно и поводя глазами вокругъ казармы, сказалъ:

— Видите, тамъ, у печки, какое-то шевеленіе? Не шевелиться! Все, казалось, затаило дыханіе.

— Продолжайте занятія, махнулъ онъ рукой и пошелъ вдоль по казармѣ.

Шель онъ медленно, всюду оглядывая, все замѣчая, изрѣдка задавая вопросы, но не дѣлая никакихъ указаній. Справившись у поручика С., какая отрасль обученія ему поручена, и получивъ отвѣтъ, что стрѣлковое дѣло, командиръ остановился.

— Ну-ка, приложись, обратился онъ къ невзрачному, маленькому, хилому солдатику, уроженцу Кѣлецкой губерніи.— Вы всѣхъ такъ обучаете? Такъ, господа, никогда стрѣлять не будете и всѣ ваши труды пропадутъ даромъ; ну, впрочемъ, мы объ этомъ еще по-толкуемъ. А ты сколько пуль попаля?

— Десять, ваше вишোকоблагородіе, отвѣчалъ солдатъ, весь мокрый отъ нота, который градомъ катился изъ подъ грязной засаженной фуражки.

— Скажите, у васъ всегда лѣстница посыпана опилками? обратился В. къ командиру роты.

— Въ дождливую погоду и когда снѣгъ— всегда, господинъ полковникъ.

— Но сегодня, кажется, сухо и тепло, остановилъ онъ свои глаза на ротномъ командирѣ; а я просилъ показывать мнѣ, какъ всегда у васъ, что есть... А это что у васъ?

— Это квартира фельдфебеля, доложилъ ротный командиръ.

— Какъ? въ казармѣ? и это во всемъ полку такъ? Какой развратъ! Какое безобразіе! Ну, мы объ этомъ тоже еще поговоримъ... Мое почтеніе! и командиръ направился къ выходу.

— Все не такъ, подумалъ ротный командиръ, когда за В. закрылась дверь на скрипящемъ блокѣ.

Въ теченіе дня, какъ оказалось потомъ, новый командиръ успѣлъ побывать во многихъ ротахъ и учрежденіяхъ полка. Нигдѣ онъ не давалъ своихъ указаній, но всюду задавалъ неожиданные вопросы, обнаружилъ при этомъ необыкновенную память на лица и фамиліи, рассказалъ нѣсколько «программныхъ», «руководящихъ» случаевъ изъ своей жизни, случаевъ очень интересныхъ и правдоподобныхъ, но, весьма возможно, никогда въ дѣйствительности не бывшихъ съ нимъ; въ окологдѣ, куда онъ пріѣхалъ уже около 10-ти часовъ, арестовалъ на 5 сутокъ фельдшера за длинные волосы; въ церкви сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ полковому священнику о благодѣтельности для солдатъ пастырской бесѣды; въ пулеметной командѣ высказалъ, что въ рукахъ ея настоящаго начальника она не опасный родъ оружія, судя по прошлогоднему смотру; въ 12 часовъ подпisałъ въ канцеляріи бумаги, а затѣмъ отправился дѣлать визиты, которыхъ не любилъ и затягивалъ до послѣдней возможности.

Въ 5¹/₂ часовъ вечера залъ собранія былъ уже полнъ офицерами. Большинство уже заняло свои мѣста на стульяхъ и всѣдѣлись впечатлѣніями прошедшаго дня. Шумъ голосовъ стоялъ самый оживленный.

— Странный онъ какой-то, говорилъ молодой ротный командиръ сосѣду, старому сѣдому капитану; напримѣръ, спрашиваетъ у меня солдата: какъ зовутъ ротнаго командира? Въ какомъ чинѣ моя жена? И всѣмъ, главное, недоволенъ, все не такъ.

— Э, слушайте, успокоительно махнулъ рукой капитанъ, и не такіе горшки объ нашу голову бились—угомонится!

— Ну, что жъ вы «встряхнулись»? иронизировалъ симпатичный полный поручикъ, обращаясь къ полковому священнику, въ новой муаровой рясѣ.—Ну какъ вы, батя, твердо помните, что далъ полкъ на прошлогоднемъ смотрѣ стрѣльбы?

Батюшка, оправляя привычнымъ жестомъ шейный крестъ и слегка улыбаясь, тонко замѣтилъ:

— А вы все спите? Душе, душе моя, что спиши, возстани, конецъ приближается...

Рѣзкій звонокъ возвѣстилъ о пріѣздѣ командира.

— Грядеть! заявилъ «отецъ», и въ залъ вошелъ съ небольшимъ развальцемъ В.

— Привѣтствую, господа. Батюшка, вы, ради Бога, не беспокойтесь, мы съ вами потомъ какъ-нибудь, произнесъ командиръ и занялъ свое вчерашнее мѣсто.

— Ну, что же господа? Охъ, какъ много, какъ много хочу я вамъ сказать!.. Ну, былъ я въ нѣкоторыхъ ротахъ у васъ... ничего... но—старинка! Такъ и отдастъ «временами Очакова и покоренія Крыма»! Все какъ то сонно, вяло, неинтересно, кисло... Отвѣты нижнихъ чиновъ, стрѣлковыя занятія, все это какъ то грустно, уныло. Спрашиваю, напримѣръ, въ какомъ чинѣ моя жена—отвѣчаютъ: «полковница»; да развѣ бабы имѣютъ чины? Все это, господа, результатъ долбни, заученныхъ отвѣтовъ; собственнаго сообщенія—ни на грошъ; не видно офицерской работы—все отъ васъ господа! Помните: рыба съ головы воняетъ! Ну, хорошо. Да, командиръ 5-й роты! Я просилъ вчера при моихъ посѣщеніяхъ показывать мнѣ все, какъ оно есть въ обыденномъ видѣ; вся лѣстница—посыпана опилками! Зачѣмъ это? Не люблю я этого кунштюкмакерства, очковтирательства; показывай, какъ есть. Ну, ладно... Вотъ стрѣлковый вопросъ у васъ, господа, стоитъ совершенно неудовлетворительно. Конечно, не вы, можетъ быть, въ томъ и вино-

ваты, васъ такъ учили, но что я видѣлъ сегодня въ ротахъ, превзошло мои ожиданія. Давно я уже отвыкъ отъ такихъ уродливыхъ картинъ, какія сегодня наблюдалъ во 2-й, 5-й, 6-й, 7-й, 11-й, 13-й ротахъ. Стоитъ шеренга солдатъ, человѣкъ 30; стоятъ и собственно не знаютъ даже, для чего они стоятъ. Спрашиваю: чѣмъ вы занимаетесь?—Прикладкой.—А ты сколько пуль пональ?—21.—А ты?—5.—Господа! Да развѣ это допустимо? Стрѣлки, попавшіе 21 пулю и 5 пуль, стоятъ рядомъ и занимаются однимъ и тѣмъ же, т.-е., собственно, ничѣмъ не занимаются, а такъ—отстаиваютъ часы. Вѣдь очевидно же, что, если я умѣю отлично читать и писать, то мнѣ не надо сидѣть на складахъ и выводить палочки; вѣдь если я попалъ 21 пулю и стало быть усвоилъ себѣ правила изготовки, заряжанія, прикладки, прицѣливанія, спуска курка, то я могу заняться чѣмъ либо инымъ, въ чемъ я слабъ; переведите такого стрѣлка на работу по производству скорой стрѣльбы, стрѣльбы уменьшеннымъ зарядомъ... Да, кстати, обратился командиръ къ начальнику хозяйственной части; поторопите вы съ этими пулями Таити: вѣдь ужъ недѣлю, какъ мы написали... Да, да наконецъ просто дайте ему отдыхъ: пусть ничего не дѣлаетъ, пусть, наконецъ, поможетъ вамъ по обученію другихъ—и это будетъ ему какъ бы поощреніемъ! Надо, надо, господа, отказаться отъ этой старины, отъ которой такой нехорошій запахъ; надо стать, что называется, на «новые пути», надо проснуться!

Ничего подобнаго не видѣлъ я въ М-мъ полку! Тамъ видна работа отъ сердца, тамъ ротные командиры грызутся изъ за тира, тамъ привыкли беречь пулю, а вы, разстрѣлявъ въ прошломъ году почти 600 тысячъ патроновъ, дали хорошо + 12! Вѣдь такая стрѣльба—это... Тутъ командиръ употребилъ выраженіе, неудобное въ печати.

— Я привыкъ видѣть такія картины: въ ротъ идутъ занятія; эти — слабые по гарнизонному уставу — повторяютъ караульную службу; тѣ, вотъ — заняты разглядываніемъ цѣлей; 10-15 человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ, но лучшихъ, въ которыхъ я увѣренъ — пошли у меня съ офицеромъ въ тиръ; а вотъ съ этими — я занимаюсь самъ. И видѣлъ въ М-мъ полку, какъ ротный командиръ, самъ лежа на брюхѣ, съ ортоскопомъ или мишенькой повѣряетъ стрѣлковъ; онъ ничего никому не пропуститъ, ничего не проститъ; тутъ, вы видите, идетъ поштучная обработка; тутъ выравниваются стрѣлковые недостатки каждаго стрѣлка въ отдѣльности, каждый пріемъ отшлифовывается на чистоту. Слабые — отдѣльно съ офицеромъ за-

нимаются на мѣшкѣ съ пескомъ или овсомъ. Кстати, надо, господа, отказаться отъ этихъ неуклюжихъ станковъ Горайскаго и перейти на мѣшки. Кому не нравится—не дѣлай, я не навязываю, но увѣряю васъ, что это удобнѣе. Вы увидите, какъ солдаты быстро, безъ всякихъ винтовъ и приспособленій, научаются наводить съ мѣшкомъ, особенно въ полѣ. И вотъ когда вы такимъ образомъ займетесь въ ротѣ съ каждымъ отдѣльнымъ стрѣлкомъ, когда у васъ не будетъ заниматься шеренга въ 30 человекъ, а будетъ отдѣлена пшеница отъ плевель, когда вы произведете, такъ сказать, «разсиропливаніе» своихъ солдатъ въ стрѣлковомъ отношеніи, узнаете стрѣлковые недостатки каждаго изъ нихъ и сами до поту повозитесь съ нимъ—вы увидите, какая громадная еще предстоитъ работа, чтобы хоть сколько-нибудь наладить стрѣлковое дѣло. Въ этомъ, господа, и заключается обученіе, а не от-стрѣ-ли-ва-ніе и про-хо-жденіе стрѣльбы и стрѣлковыхъ занятій. Замѣтилъ, что большинство (почти всѣ) стрѣляетъ «съ подводкой». Эту дурную привычку надо совершенно оставить. Я вынесъ прикладъ впередъ и въ тоже время набралъ въ себя воздуху, вставилъ прикладъ въ плечо и одновременно выпустилъ весь воздухъ и посадилъ цѣль на мушку; при этомъ сразу обжалъ всей пятерней шейку приклада и въ тоже время сразу обжалъ спускъ указательнымъ пальцемъ, пока мнѣ не осталось чуть тронуть, чтобы произошелъ спокойный неожиданный выстрѣлъ.

Командиръ всталъ и показалъ, какъ это выйдетъ, держа воображаемую винтовку въ своихъ большихъ, крѣпкихъ, «рабочихъ» рукахъ.

— Но для этого, господа, надо знать свой спускъ; надо знать, до какихъ поръ я могу обжать его пальцемъ, а затѣмъ—надо любить дѣло и постоянно имъ заниматься; надо смаковать каждую пулю—эхъ, вправо! или—э! низко! Надо быть виртуозомъ своего дѣла, своего ремесла! Конечно, надо прежде всего офицеру самому приложить руки къ этой работѣ, а не ходить «ручки въ брючки» по казармѣ, которая ему, какъ я вижу, совершенно чужда; если офицеръ самъ возьметъ, даже иногда почистить свою винтовочку, лично займется прикладкой, узнаетъ свои стрѣлковые недостатки и порадѣетъ надъ искорененіемъ ихъ,—вы увидите, господа, какъ благотѣльно это повліяетъ на нашихъ нижнихъ чиновъ. Вѣдь въ этомъ стрѣлковое воспитаніе! Я самъ въ М-мъ полку занимался этимъ, знаю какой это громадный трудъ, но вѣдь безъ этого мы не двинемся, господа, съ мѣста и далѣе «хорошаго + 12» не пой-

демъ. Вѣдь не въ числѣ выпущенныхъ патроновъ дѣло, а какъ выпустить.

Командиръ сочно затянулся папирсой, какъ бы что то вспоминая.

— Въ среду и пятницу, господа, на нашемъ плацу будетъ играть музыка послѣ обѣда. Прошу выводить роты для обученія шагу и бѣгу. Ужасно медленно ходять! Затѣмъ, господа, я уже заказалъ машины для гимнастики—надо заняться этимъ дѣломъ; вѣдь гимнастика—родная сестра стрѣльбы, да и вы вѣроятно слышали, что «въ здоровомъ тѣлѣ—здоровый духъ»...

Часы давно уже пробили 11, когда В. кончилъ наконецъ свою бесѣду. Усталые послѣ 5-ти-часового напряженного сидѣнія офицеры молча расходились по домамъ.

Б. Б.

(Окончаніе слѣдуетъ).

